

УДК 187.01
ББК 87.3(2)

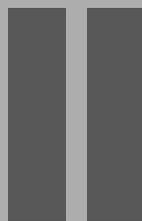
А.В. РАДИОНОВА

ФИЛОСОФСКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОБРАЗА «СОЗНАНИЕ → СВЕТ» И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ

Рассматривается развитие представлений о связи сознания и света в философии и культуре, а также то, как русская лирика заимствует, использует эти представления в создании поэтической парадигмы. В отличие от других форм культуры лирика имеет больше возможностей раскрыть множество семантических вариантов архетипической парадигмы «сознание → свет». Эти семантические варианты исследуются с помощью сопоставительного анализа корпуса поэтических текстов авторов XIX—XX веков.

Ключевые слова: сознание, разум, мысль, свет, лирика, образ, семантика, парадигма, архетип, память, культура.

Древнее метафорическое представление, к которому восходит современная философия, сравнивает человеческое сознание с источником света. В философии образовалось направление «метафизика света», его основной постулат — все сущее произошло из света. Плотин развил учение Платона об уподоблении блага излучающему солнцу и обосновал учение об эманации. Согласно этому учению, бытие имеет природу света, сущностью которого является излучение. Человеческий разум порожден высшим Умом, истекает из него лучами света [1, с. 18, 61, 76—78, 96]. Этот божественный свет Плотин называл «умным светом». Учение было развито в средневековой философии, например, у Амальрика Бенского. Французский средневековый мистик считал, что в душе человеческой заложена искра Божья, которая стремится к соединению с Божественным



КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

светом. Продолжение этих идей можно видеть у позднего Шеллинга¹. Ф.В.Й. Шеллинг неоднократно употребляет словосочетание «светлые мысли» [4, с. 31, 111, 119, 137, 151, 553, 569], которое имело не только образное, но и концептуальное значение.

Для раскрытия сущности рефлексии сознания образ «сознание → свет» применяли Г.В.Ф. Гегель («рефлексивное мышление — это свет в своем прямолинейном движении встречает зеркальную поверхность и отбрасывается ею назад», «рефлексивное сознание — это свет превращается в молнию мысли, ударяющую в самое себя и создающую, исходя отсюда, свой мир», «бытие рефлексии — это бытие, которое светится видимостью») и А. Шопенгауэр («самопознание — это воля зажигает себе на этой ступени свет») (цит. по: [5, с. 69, 70, 111, 157]).

К.Г. Юнг определил парадигму «сознание → свет» как архетипическую и подробно ее описал. Согласно его учению, «свет сознания имеет много степеней яркости»: от чуть заметного мерцания, свойственного примитивным формам жизни, до множеств точек свечения, характеризующих сознание человека (эго-сознание) [6, с. 387]. Юнг видел истоки такого представления у алхимиков и еще раньше — в философии Платона. Мистические писатели конца XVI — начала XVII века (например, Кунрат) в своих трудах обосновывали учение об искрах мировой души. Эти искры обожествлялись и воспринимались как потенциальные возможности будущего, «семена света, рассеянные в хаосе». Считалось, что эти искры исходят из Духа Божьего. Это также соответствует идеям Платона. Человеческий разум трактовался как одна из таких искр.

Юнг цитировал Парацельса, который предположил, что сущностью человека являются два начала: божественный ноумен и природный лумен. Идеи Парацельса развил его ученик Герхард Дорн, считая что *lumen naturae* — свет природы, озаряющий сознание, дан от Бога, а искры — это зародышевые точки свечения, вспыхивающие во тьме бессознательного. Природный свет в человеке суть его разум и мудрость, он возвышает человека над брэнной телесной сущностью.

Проведя анализ комплекса представлений о сознании в мифологии, астрологии, алхимии, Юнг сделал вывод: «Поскольку сознание всегда описывалось в терминах, производных от характеристик света, вполне допустимо предположить, что это множественное свечение соответствует тончайшим феноменам сознания» [6, с. 396]. Э. Нойманн, ученик Юнга и сторонник философского подхода к анализу психологии сознания, утверждал, что для сознательного Эго свет и сознание едины (так же едины тьма и бессознательное) [7, с. 38, 132—136].

¹ «Человек формируется в чреве матери, и лишь из мрака неразумного (из чувства, из желания — прекрасной матери познания) вырастают светлые мысли» [2, с. 109]; «Но свет, например, безусловно, аналог духа или мышления в протяженном мире, и если мы сведем это неопределенное понятие аналога к определенному понятию, то свет окажется не чем иным, как самим духом или мышлением...» [3, с. 478].

Образ проник во все сферы культуры. Он стал одним из основных масонских символов², был внедрен в историческую науку. Так, датский религиозный историк Фредерик Трёльс-Лунд создал оригинальную теорию, согласно которой восприятие света коллективным сознанием оказывает непосредственное воздействие на формирование культуры этносов и эпох³. Вслед за ним Эрнест Кассирер констатировал, что и само возникновение сознания в мифологических системах всегда представлено как сотворение света [10, с. 109—111].

Заметим, что в недавнем прошлом были проведены психологические исследования, имеющие целью подтвердить теорию о влиянии культурных символов на поведение человека. Исследования проводились на примере воздействия культурного артефакта: метафоры «инсайт → вспышка света». В результате было показано, что включаемая лампочка — видимый символ понимания, прозрения, озарения — действительно активизирует сознание (и подсознание), ускоряя решение творческой мыслительной задачи [11, с. 696—700].

Тому, чтобы этот образ стал культурным символом и настолько глубоко проник в область коллективного бессознательного, немало способствовало и поэтическое творчество. Шеллинг, объясняя субстанцию света как основу идеального, приводит в пример Гомера, отождествляющего мысль со светом⁴.

Лирика воспринимается как форма выражения чувств. Однако многие авторы-лирики посвящают стихотворения рассуждениям о вечных вопросах бытия, в том числе — о природе разумного сознания человека, о природе мышления. Наряду с другими качествами разумного сознания поэты подчеркивают его светозарность.

Основанием литературной традиции образа «сознание → свет» можно считать и библейские тексты. Образ «мудрость → свет» неоднократно использовали Соломон и Даниил⁵. Образ «разум → свет» находим у Луки, Матфея,

² «Сияющая звезда является одной из “неподвижных” драгоценностей логи: она располагается посередине и ассоциируется со священным огнем, горевшим в Храме Соломона, а также со “светом разума и благоразумием”, и светом истины, который путеводит вольному каменщику на его пути к добродетели» [8, с. 156].

³ «Колорит жизни <...> представляет собой не сумму прихотливых отблесков, а результат взаимодействия между светом неба и зеркалом человеческой мысли» [9, с. 6].

⁴ «Если Гомер пользуется для описания быстроты движения неподвластной времени мыслью, которая в своем странствии способна мгновенно промчаться через множество земель, то Свет в природе в его неподвластности времени мы можем сравнить только с этой способностью мысли» [12, с. 43].

⁵ Книга Екклесиаста: «И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою: у мудрого глаза его — в голове его, а глупый ходит во тьме...» (2: 13—14; см. также 8:1); «Книга притчей Соломоновых»: «... заповедь есть светильник, и наставление — свет...» (6: 23); «Книга Даниила»: «Есть в царстве твоём муж, в котором дух святого Бога; во дни отца твоего найдены были в нём свет, разум и мудрость, подобная мудрости богов...» (5: 11); «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда» (12: ст. 3).

Иоанна, Павла⁶. Павел дает самое развернутое обоснование использования образа: «Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть»⁷. Эффект прояснения действительности для субъекта и отражения мира сознанием объясняет одну из самых распространенных образных парадигм ментального в поэзии.

В поэзии неоднократно повторяется мысль о единстве ментальных проявлений, составляющих духовное и непременно светозарное основание личности. Приведем примеры из трех эпох. Ф.Н. Глинка: *У них чело яслось думой, / Из-за которой ум сиял...* («Воспоминанье о былом» [13, с. 113]); К.Д. Бальмонт: *Сознание, Сила и Основа — / Три солнца духа моего!* («Сознание, Сила и Основа...» [14, с. 662]); Н.М. Рубцов: *Соединясь, рассудок и душа / Даруют нам светильник жизни — разум!* («Философские стихи» [15, с. 397]).

Согласно теории Н.В. Павлович структура поэтического образа состоит из основания сопоставления (то, что сравнивается) и образа сопоставления (то, с чем сравнивается)⁸. Основаниями сопоставления данной парадигмы могут быть прямые понятия: мысль, ум, разум, сознание; а также опосредованные: голова, лоб (чело), мозг (части тела, имеющие отношение к разумному сознанию). Образы сопоставления — свет, лучи, светила небесные, излучающие свет природные явления (молния), рукотворные светильники (свеча, фонарь и тому подобное).

Образное выражение в данной парадигме возможно не только через прямое отождествление одного явления с другим (как, например, в образе 'сознание → маяк' стихотворения Бальмонта «Драгоценные камни» [14, с. 333]: *Камень огневой неверного Фомы, / Яркий хризолит оттенка золотого, — / Ты маяк сознания над прибоем тьмы, / Через тебя мы в Боге убедимся снова...*), но и путем непрямого, неявного отождествления. Так сознание в стихотворении Рубцова «Элегия» («Стукнул по карману — не звенит...») [15, с. 140] отождествляется с солнцем через состояние «быть в зените»: *В тихий свой, таинственный зенит / Полетели мысли отдохнуть.*

Единство пары «свет» и «сознание» обусловлено различными семантическими оттенками. В реалистической поэзии светлое сознание — это, прежде всего, со-

знание организованное, нравственное, прогрессивное (Н.А. Некрасов, «В.Г. Белинский»: *Кто в человеке брата видит, / Кто зло клеймит и ненавидит, / Чей светел ум и ясен взгляд, / Кому рассудок не теснят / Преданья ржавые оковы...* [17, с. 8]). Сознание является светом, потому что оно делает явным то, что не всем и не сразу заметно (Некрасов, «Умру я скоро. Жалкое наследство...»: *Я призван был воспеть твои страдания, / Терпеньем изумляющий народ! / И бросить хоть единый луч сознанья / На путь, которым Бог тебя ведет...* [18, с. 40]).

Свет сознания «потребляет энергию» жизни. Сознание работает, анализируя материал, который представляют явления бытия: *Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом / Она дает гореть, дает светиться думам* (И.Ф. Анненский, «Прелюдия» [19, с. 126]). Сознание отождествляется с самой жизнью через атрибут света: *Довольствоваться роскошью беды — / в азартном и злорадном нераденье / следить за увяданием звезды, / втемешенной в мой разум при рожденье* (Б. Ахмадулина, «Так дурно жить, как я вчера жила...» [20, с. 152]). Образ подчеркивает динамизм мышления, скорость мысли: *Ум человека я, чья мысль быстрее зарницы...* (Бальмонт, «На огненном пиру» [21, с. 411]). Прорывы в деятельности сознания, моменты резкой активизации определяются как вспышки (Б. Пастернак, «Гроза, моментальная навек» [22, с. 155]: *Стал мигать обвал сознания: / Вот, казалось, озарятся / Даже те углы рассудка, / Где теперь светло, как днем!*). Сознание, как и свет, пронизывает пространство, познавая мир (Бальмонт, «Безгласная поэма» [14, 664]: *Стоит мне только подумать о чем, / Мысли в пространство стремятся, / Светятся в нем достающим лучом, / В гроздьях созвездий роятся*). Свет сознания может быть оружием, которое разит и слепит: *Нет, не мысли, — иглы молний / Возжигашь в мозг врага* (А. Белый, «Созидатель» [23, с. 162]).

В русской лирике образ «свет сознания» отражает концепцию борьбы разума с силами тьмы. Разумное уничтожает темные стороны и несовершенства бытия. Так, у Е.А. Баратынского этот образ является центральным в стихотворении «Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!..» [24, с. 195]: *Всё мысль да мысль! Художник бедный слова! / О жрец ее! тебе забвенья нет; / Всё тут, да: тут и человек, и свет, / И смерть, и жизнь, и правда без покрова*. Поэт провозглашен жрецом мысли. Свет предстает как одна из главных экзистенциальных сущностей, составляющих бытие. Еще древние египтяне верили, что светозарность является одним из элементов человека (наряду с именем, телом, сердцем и др.) [25, с. 155—168]. Далее свет характеризует ментальное в образе «мысль → острый луч» и «жизнь земная бледнеет перед мыслью»: *Но пред тобой, как пред нашим мечом, / Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная*. Светозарность наделяется двойственным значением: это и высшая сфера бытийности, и оружие против земной обыденности.

Другая грань этой парадигмы реализует ситуацию, когда работа сознания проясняет сам разум. Эта грань проявляется в лирике Ап. Григорьева. Поэт был романти-

⁶ «Евангелие от Луки»: «свет к просвещению язычников» (2: 32); «Евангелие от Матфея»: притча о мудрых и неразумных девах со светильниками (2: 1—13). «Первое соборное послание святого Апостола Иоанна Богослова»: «Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум...» (5: 20); «Второе послание к коринфянам святого Апостола Павла»: «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа» (4: 3—6).

⁷ «Послание к Ефессянам святого Апостола Павла» (5: ст. 12).

⁸ Автор настоящей статьи, предлагая считать образами слова в переносном значении (тропы), опирается на методику изучения образов и образных парадигм Н.В. Павлович. Образность реализуется путем соотношения одного понятия с другим (в сложных образах — с несколькими), прямого значения — с переносным через сравнение или отождествление. Каждый образ можно обозначить схемой X→Y, где X — левый элемент или основание сопоставления (то, что сравнивается), Y — правый элемент парадигмы или образ сопоставления (то, с чем сравнивается) [16, с. 13, 14, 36, 48—51].

ком не только в поэзии, но и в жизни. В годы студенчества он увлеченно изучал гегельянство с его культом разума и логики. Однако в жизни более ориентировался на чувства, отвергая логику и доводы благоразумия. В зрелые годы Ап. Григорьев стал приверженцем философии Шеллинга. Поэт считал, что не внешние догматы и правила определяют действия субъекта, но ему самому свойственная внутренняя светозарность, возникающая из единства чувств и разума [26, с. 186]:

Внутри души своей живущей
Ты центр увидишь вечно сущий,
В котором нет сомнений нам:
Тогда тебе не нужно правил,
Сознания свет тебя наставил
И солнцем стал твоим делам.
<...>
Присущ да будет разум вечно,
Где жизни в радость жизнь дана.
Тогда бывшее удержимо,
Грядущее заранее зримо,
Минута с вечностью равна.

Стихотворение, хотя и является переводом из Гете, отражает мировоззренческие взгляды поэта, согласно которым временная ограниченность земного бытия преодолевается разумно-чувственным восприятием красоты. Разумно-чувственный свет сознания управляет деятельностью субъекта, определяя этику и направление его поступков.

Свет сознания приобщает субъекта к сакральному, к небесным тайнам бытия. Бальмонт утверждает единство ментального и небесного в стихотворении «В душах есть всё...» [21, 168]: *В душах есть всё, что есть в небе, и много иного. / <...> Совесть, светильник опасный и жгучий, / Вспышки и блески различных огней, — Где, как не в ней, / Бури проносятся мысли могучей!*

Душа — это Слово, замысел, нежность, 'совесть → светильник', 'мысли → бури', и всё вместе наряду со вспышками и блеском различных огней. Концепция эманации пронизывает лирику Бальмонта, проявляясь в стихотворениях, в которых излучение света является «ипостасью божественного»: *От колеса солнечной колесницы / Небесный огонь долетел до людей, / Факел зажег для умов, в ореоле страстей. / От колеса солнечной колесницы / Кто-то забросил к нам в души зарницы...* («Праздник сжиганья» [27, с. 126]); *В тысячекратности молебельный свет свечи. / Сознание яркое, мой дух отсюда мчи* («Рубище» [28, с. 281]).

И.М. Меркулов в диссертационном исследовании дал характеристику представлений о значении и символической среде в современной Бальмонту философско-эстетической среде [29, с. 22]. В трактатах С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, В.Н. Лосского повторяются отголоски учения об эманации — распространении Божественного на творение, подобном распространению, излучению света⁹. «Огонь сознания» —

концептуальный образ лирики Бальмонта¹⁰, пронизывающий всю творческую систему.

В стихотворении Бальмонта «Молитва о жертве» [21, с. 181] обычная ситуация «березу срубили для костра» изображена как жертвоприношение. Береза погибает в огне, освещаясь последним высшим светом, при этом зажигая сознание субъекта: *Она, прекрасная, отмечена была, / Рукой сознательной для бытия иного: — / Зажечься и гореть, — блестя, сгореть дотла, — / И в помыслах людей теплом зажечься снова. <...> Победно вспыхнет вдруг, вся свету предана, — / И огненной листвою оделся дух березы! // Я с жадностью смотрю на блеск ее огня: — / Как было ей дано, погибшей, осветиться! / — Скорее, Господи, скорей, войди в меня, / И дай мне почернеть, иссохнуть, исказиться!*

В стихотворении «Мудрость сердца» [14, с. 422] символом мудрого сердца у Бальмонта становится звезда: *Ты видал ли, как воздушно светит в сумерках звезда, / Как пред нею, вместе с нею, дышит вечером вода.* В этом стихотворении, как и в предыдущем, семантика света связана не только с излучением в пространство, но с передачей света другому объекту: *В этом мудрость, в этом счастье — увлекаясь, увлекать. / Зажигать и в то же время самому светло сверкать.* Ментальное здесь в соответствии с общей тенденцией, свойственной русской лирике, неразрывно связано с чувственным. Сердце должно быть умным: *Увлекая, увлекаться — мудрость сердца моего, / Этим я могу достигнуть слишком многого — всего!*

Как и для Бальмонта, для В.Я. Брюсова тема света одна из основных¹¹. Свой юношеский сборник стихотворений Брюсов открыл «Сонетом к форме» [37, с. 33], выразив в нем свое кредо. Он обнаруживает связь между формой и содержанием через излучение света: *Есть тонкие властительные связи / Меж контуром и запахом цветка. / Так бриллиант невидим нам, пока / Под гранями не оживет в алмазе.* Бриллиант «оживает» после огранки именно потому, что начинает светиться особенным переливающимся излучением: особая форма делает его ценным, придает смысл. Мимолетное становится вечным, если особенным образом оформить его в слове:

сущего, которое посылает свет и тепло всему, подобно солнцу» [30, с. 179]. П.А. Флоренский: «“Свет умный”, соединяющийся иногда с духовною “теплотою” и “благоуханием” — это и есть искомая нами разумная интуиция, интуиция, включающая в себя ряд своих обоснований, — совершенная красота как синтез абсолютной конкретной данности с абсолютною разумною оправданностью. Свет умный — это свет Самого Троиственного Божества, сущность Божественная, которая не просто дается, но само-дается. Это — “свет разума”, воссиявший для мира от рождества Господа Иисуса Христа...» [31, с. 96]. Н.А. Бердяев: «Познание есть возгорание света внутри бытия» [32, с. 213]. А.Ф. Лосев: «Свет, перенесенный в сферу смысла, и есть ум. <...> ...Свет есть смысл и форма» [33, с. 244—245]. В.Н. Лосский: «Божественный свет становится основой нашего сознания: в нем мы познаем Бога и познаем самих себя» [34, с. 175].

¹⁰ «В поэтическом сознании Бальмонта изначально заложена субстанциональная идея света» [29, с. 18].

¹¹ «Любимые словесные образы Брюсова — это образы света и тьмы, те и другие — в крайнем сгущении и напряжении» [36, с. 150].

⁹ С.Н. Булгаков: «Присутствие Бога в твари, вечность во временности, нужно понимать как теофанию, преломление в призме времени вечно

Так образы изменчивых фантазий, / Бегущие, как в небе облака, / Окаменев, живут потом века / В отточенной и завершенной фразе. А дальше Брюсов объединяет три понятия — мечты (ментальное), слово (формальное выражение ментального) и свет (отточенность и завершенность, совершенство формального выражения ментального): *И я хочу, чтоб все мои мечты, / Дошедшие до слова и до света, / Нашли себе желанные черты.* Сонет в творчестве Брюсова становится жанром философской лирики [38]. В своих эстетических исканиях Брюсов пришел к формуле «искусство как познание».

В отличие от «младших» символистов, Брюсов рационален по отношению к символу света. Брюсов вообще среди символистов выделялся сугубо рациональным складом ума [39, с. 113]. Если у младших символистов свет имеет мистическую природу и является атрибутом Мировой Души, то у Брюсова свет — это, в первую очередь, свет разума. Хотя разум, находящийся в свете, близок к сакральному: *Ангел благого молчания, / Душу себе покори / В час, когда брезжит сияние / Долго желанной зари! / В тихих глубинах сознания / Светят святыя огни!* (Брюсов, «Ангел благого молчания» [37, с. 469]), см. также «*L'enn'ui de vivre...*» («Я жить устал среди людей и в днях...»), «Сон» и др.

Шеллинг связывал свет и слово¹², он же охарактеризовал дух поэта как «чистый, единственно еще сияющий свет», который есть мудрое провидение [4, с. 489]. И в лирике образ «сознание → свет» устойчиво связан с темой слова. Слово — материальное выражение, проявление сознания, инструмент мышления. Эту связь слова, света и сознания мы встречаем у Ф. Глинки: *В устах носил алмаз живого слова, / А в голове луч вечный истин, мысль!..* («Все сущности вмести в себе природы...» [13, с. 103]). Комплекс «свет — слово — разум» неоднократно встречается в лирике Бальмонта: *Мысли сверкают, / Память жива, / Звучны слова.* («Земля» («Земля научает глядеть — глубоко, глубоко...») [14, с. 803]). Слова делают сияние мысли осязаемым, видимым: *Но качнулось коромысло золотое в Небесах, / Мысли Неба, Звезды-Числа, брызнув, светят здесь в словах* («Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть...» [29, с. 196]). Определенное движение и организация мыслей и слов создает систему творческого произведения, которое способно излучать свет: *Пляшут и мысли кругом и слова. / Мысли — мои? Или, может, чужие? / Если хотите, / Мысли сплетайте в лучистые нити, / Светлая ткань хороша, хороша, / Только не лгите...* («Огонь» («Огонь приходит с высоты...») [15, с. 765]). Мышление, речение и сам процесс плетения ткани произведения из этих материй составляют совершенное триединство творческой жизни, которой Бальмонт слагает гимн в стихотворении «Воскресенье» [28, с. 390]:

Слава доброму мышлению,
Слава доброму речению,
Слава доброму деянию,
Вечность — ярким трем огням.
<...>
Мысль — зерно, а слово — стебель,
Дело — колос пышной жатвы,
В триединстве — завершенье,
Трижды слава трем лучам.

Пастернак повторяет это же триединство «свет — слово — разум»: *А в перегонном кубе всё упрямей / Варилась жизнь, и шла постройка гнезд. / Работы оцепляли фонарями / При свете слова, разума и звезд* («Памяти Рейснер» [22, с. 226]). Алхимики изобрели перегонный куб, чтобы найти эликсир жизни. В перегонном кубе Пастернака варится сама жизнь. Квинтэссенция создается в процессе химической реакции элементов: работы, света, слова и разума. Поэты осознают слово светозарное как слово творческое, сотворенное и творящее¹³. О том же пишет Андрей Белый: *В строфах — рифмы, в рифмах — мысли / Создают новый свет...* [23, с. 163].

Сопоставления света и слова неоднократны у Брюсова (например, «ярко-певучие стихи» в стихотворении «Поэту» [37, с. 447]). У Брюсова большее значение и потому светозарность имеет не внешнее выражение мышления — сказанное и оформленное слово, но слово внутреннее, сокровенное. Он писал в стихах: *... мечты, / Дошедшие до слова и до света...*

Эти мечты предстают главным субъектом и имеют приоритетное значение. Слова светят именно благодаря своей сохранности в уме («Каждый миг» [37, с. 225]: *Все слова людьми забытых песен / Светят таинством порой в уме*). Этот свет в сознании может потухнуть при внешнем выражении, он — символ «невыразимого», того понимания высших истин бытия, которое есть в сознании, но не может быть выражено непосредственно в словесной форме: *Ангел благого молчания, / Душу себе покори / В час, когда брезжит сияние / Долго желанной зари! / В тихих глубинах сознания / Светят святыя огни! / Ангел благого молчания, / Душу от слов охраняй!* («Ангел благого молчания» [37, с. 469]). Это стихотворение Брюсова — еще одна вариация на тему «невыразимого», которая является в русской лирике парадигмой, и наиболее актуальна в творческих системах Жуковского, Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Фета [41, с. 238]. Ф.И. Тютчев в стихотворении «Silentium» [42, с. 61] призывает к молчанию, к сокрытию мечтаний, которые он сравнивает со звездами в ночи. Безмолвный свет звезд тихой ночью противопоставляется дневным лучам: *Лишь жить в себе самом умей — /*

¹² «Первый период творения есть <...> рождение света. Свет, или идеальное начало, есть в качестве вечной противоположности темному началу творящее слово, освобождающее скрытую в основе жизнь из небытия, возвышающее ее от потенции к акту» [3, с. 147].

¹³ В «Записных книжках» А. Блока 1906 года есть запись, важная для понимания природы поэтического творчества. Чтобы открыть свое понимание этой природы, Блоку был необходим образ светящихся слов: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звезды. Из-за них существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдаленнее эти слова от текста. В самом темном стихотворении не блещут эти отдельные слова, оно питается не ими, а темной музыкой пропитано и пресыщено» [40, с. 84].

Есть целый мир в душе твоей / Таинственно-волшебных дум; / Их оглушит наружный шум, / Дневные разгонят лучи, — / Внимай их пенью — и молчи!..

Парадигма нашла свое выражение наиболее непосредственно и заостренно у В.Г. Бенедиктова, как это часто бывает в эпигонской поэзии [43, с. 97].

И, мысль земную оторвав,
От грешных уст не дай ей слова!
<...>
Пусть в эти дивные мгновенья,
Ее сиянием обвит,
Святой венец благоговенья
Твое чело оледенит ...

Свет сознания — это и память человека. Брюсов сгущает семантическую насыщенность образа «мысли → свет», используя понятие «светоч». Венок сонетов о развитии разумной деятельности в истории человечества был назван «Светоч мысли» [44, с. 383—389]. В нем дано описание культурной социодинамики, при развитии которой *Сияла людям Мысль, как свет в эфире*.

Время притупляет восприимчивость сознания субъекта. Это связано с процессом забывания: важное уходит в прошлое, воспринимается приглушенно или вовсе стирается из памяти. Воспоминания предстают вспышками в сознании. Однако все преданное прошлому безвозвратно уходит в сферу бессознательного, как бы похоронено в нем, являя себя призрачным мерцанием. Как и у Брюсова, у Блока образ «мысли → светлые» — символ исторической памяти. В стихотворении Блока «Опять с вековой тоскою...» [45, с. 287] из цикла «На поле Куликовом» в сознании лирического «Я» встают картины из прошлого: *Вздыхаются светлые мысли / В растерзанном сердце моем, / И падают светлые мысли, / Сожженные темным огнем...*

Пастернак в «Драматических отрывках» [46, с. 213] раскрывает тему времени. Он видит проблему искажения истинного бытия при воспроизведении прошедших событий в сознании потомков. В данном случае светозарностью наделяется время: *Этот день, что светит / Кустам и зданьям на пути к моей / Душе, как освещают путь в подвалы, / Не вечно будет бурным фонарем, / Бросающим все вещи в жар порядка <...>*. Однако свет характеризует время лишь постольку, поскольку он открывает это время сознанию: *Но век пройдет, и этот теплый луч / Как уголь почернеет, и в архивах / Пытливость поднесет свечу к тому, / Что нынче нас слепит, живит и греет, / И то, что нынче ясность мудреца, / Потомству станет бредом сумасшедших*.

Только настоящее обладает подлинным бытием, живой жизнью, правильным порядком. Уходя в прошлое, настоящее мрачнеет, становится лишенным смысла и разума: *Он станет мраком, он сойдет с ума, / Он этот день, и Бог, и свет, и разум. / Века бегут, боятся оглянуться, / И для чего? Чтоб оглянуть себя. / Наводят ночь, чтоб полдни стали книгой, / И гасят годы, чтоб читать во тьме*.

Свет сознания меркнет, когда наступает забвение. Это происходит и тогда, когда сознание деформировано под действием каких-то экстремальных обстоятельств. Такими обстоятельствами могут быть любовная страсть (А.А. Фет, «Вчера я шел по зале освещенной...» [47, с. 126]: *И в темноте тревожного сознанья / Былые дни я различил едва, / Когда шептал безумные желанья / И говорил безумные слова*), исторические катаклизмы (М.А. Волошин, «Петроград» [48, с. 20—21]: *Как злой шаман, гася сознанье / Под бубна мерное бряцанье...*). Сознание погружается во мглу и тогда, когда субъект устал (А. Вознесенский, «Похороны Гоголя Николая Васильича» [49, с. 26]: *Под Уфой затекает спина, / под Одессой мой разум смеркается...*); когда субъект переходит от яви к сну (Рубцов, «Бессонница» [15, с. 179]: *За мыслью мысль — какой-то бред, / За тенью тень — воспоминания, / Реальный звук, реальный свет / С трудом доходят до сознания...*).

Сознание совершенно погружается во тьму, когда жизнь субъекта подходит к концу, когда субъект умирает или стремится постичь тайну смерти: *Умирание — мерещится уму. / Смерть нам кажется. Лишь верим мы во тьму. / Эти сумерки сознанья и души, / Смерть всемирную пред ночью утиши* (Бальмонт, «Морана» [27, с. 530]); *Не хочу уходить, не хочу умирать, я дурак, / не хочу, не хочу погружаться в сознанья во мрак. / Только жить, только жить, подпирая твой холод плечом* (И. Бродский «Письма к стене» [50, с. 21]). У Ахмадулиной в «Северной балладе» (перевод из Михаила Квливидзе) [51, с. 378] лирический субъект видит в северной степи на снегу оборвавшиеся следы погибшего человека: *Иероглиф судьбы, / наделенный значением крика, — / человеческий след, / уводящий сознанье во тьму...*

Поэтическая парадигма образа «сознание → свет» имеет мифологическое, религиозное, философское основание. Светозарность свойственна разумному проявлению личности в единстве с другими проявлениями духовного: с душой, духом, а также с речевым, словесным выражением. Наряду с основным значением образа (делать невидимое видимым, непознанное открытым, понятным), у него существует целый ряд семантических оттенков. Образ актуализирует такие характеристики сознания, как правильная организация, быстрота мышления, высокий морально-этический уровень, способность к коммуникации, проникновение сознанием сквозь пространство и время, способность разума быть оружием в борьбе с силами тьмы и неразумностью, способность хранить в памяти прошлое, приближаться к Божественному. Световые градации в образах характеризуют изменение состояния сознания в стрессовых, экстремальных ситуациях, в ситуации между жизнью и смертью. Образ, заданный Платоном, сформировал общекультурную парадигму. При ближайшем рассмотрении он перестает казаться привычным, обыденным для поэзии, оживает, и сам уже как бы сверкает разными гранями неохватного разнообразия своих значений.

Список литературы

1. *Плотин*. Эннеады: в 7 т. Т. 5. Пятая эннеада. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005.
2. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Ф.В.Й. Шеллинг. Сочинения. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1989.
3. *Шеллинг Ф.В.Й.* К истории новой философии (Мюнхенские лекции) // Ф.В.Й. Шеллинг. Сочинения. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1989.
4. *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1989.
5. *Петров Ю.В.* Антропологический образ философии. — Томск: НТЛ, 1997.
6. *Юнг К.Г.* О природе психе // К.Г. Юнг. О природе психе. Сб. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002.
7. *Нойманн Э.* Происхождение и развитие сознания. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998.
8. *Ионина Н.А.* 100 великих наград. — М.: Вече, 2003.
9. *Трёльс-Лунд Ф.* Небо и мировоззрение в круговороте времени. — Одесса, 1812.
10. *Кассирер Э.* Философия символических форм. В 2 т. Т. 2. Мифологическое мышление. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
11. *Slepian M.L., Weisbuch M., Rutchick A.M., Newman L.S., Ambady N.* Shedding light on insight: Priming bright ideas // Journal of Experimental Social Psychology. — 2010. — № 46 (4).
12. *Шеллинг Ф.В.Й.* Об отношении реального к идеальному в природе / Ф.В.Й. Шеллинг. Сочинения. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1989.
13. *Глинка Ф.Н.* Сочинения. — М.: Советская Россия, 1986.
14. *Бальмонт К.Д.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. — М.: Терра, 1994.
15. *Рубцов Н.М.* Звезда полей. Собрание сочинений. — М.: Воскресенье, 2001.
16. *Павлович Н.В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. — М., 1995.
17. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 4. — Л.: Наука, 1982.
18. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 3. — Л.: Наука, 1982.
19. *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии. — Л.: Советский писатель, 1990.
20. *Ахмадулина Б.А.* Избранное: Стихи. — М.: Советский писатель, 1988.
21. *Бальмонт К.Д.* Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1969.
22. *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 1. — М.: Слово/Slovo, 2004.
23. *Белый А.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1990.
24. *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1989.
25. *Шенкао М.А.* Основы философской танатологии. — Черкесск: КЧТИ, 2002.
26. *Григорьев А.А.* Поэзия. Проза. Воспоминания; *Фет А.А.* Поэзия. Проза. Воспоминания. — М.: Слово/ Slovo, 2000.
27. *Бальмонт К.Д.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. — М.: Терра, 1994.
28. *Бальмонт К.Д.* Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. — М.: Художественная литература, 1980.
29. *Меркулов И.М.* Поэтика света и тени в лирике К.Д. Бальмонта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010.
30. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994.
31. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. — М.: Правда, 1990.
32. *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство кесаря. — М.: Республика, 1995.
33. *Лосев А.Ф.* Перводанная сущность // А.Ф. Лосев. Миф. Число. Сущность. — М.: Мысль, 1994.
34. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. — Москва: Центр «СЭИ», 1991.
35. *Бурдин В.В.* Мифологическое начало в поэзии К.Д. Бальмонта 1890—1900-х годов: дис. ... канд. филол. наук. — Иваново, 1998.
36. *Жирмунский В.М.* Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования // В.М. Жирмунский. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Наука, 1977.
37. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1973.
38. *Казеева Е.А.* Эстетика и поэтика символизма в лирике В.Я. Брюсова, 1892—1909 годы: дис. ... канд. филол. наук. — Саранск, 2003.
39. *Воскресенская М.А.* Символизм как мировидение Серебряного века: социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX—XX в. — М.: Логос, 2005.
40. *Блок А.* Записные книжки. 1901—1920. — М.: Художественная литература, 1965.
41. *Абрамова В.И.* Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В.А. Жуковского к К.К. Случевскому: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.
42. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1987.
43. *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1983.
44. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3. — М.: Художественная литература, 1973.
45. *Блок А.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. — М.: Издательство художественной литературы, 1955.
46. *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 2. — М.: Слово/Slovo, 2004.
47. *Фет А.А.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1982.
48. *Волошин М.А.* Пути России: Стихотворения и поэмы. — М.: Современник, 1992.
49. *Вознесенский А.А.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1984.
50. *Бродский И.А.* Сочинения. В 7 т. Т. 2. — СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
51. *Ахмадулина Б.А.* Сны о Грузии. — Тбилиси: Мерани, 1979.